

Бытовые очерки прошлаго.

(По архивнымъ документамъ).

„Віолдамуры“¹⁾.

Настоящій очеркъ, излагаетъ содержаніе одного изъ судебныхъ дѣлъ конца XVIII столѣтія, и служитъ съ одной стороны живымъ выраженіемъ настроенія крестьянской среды у безчеловѣчнаго помѣщика, какъ отголосокъ появившихся въ ней надеждъ и мечтаній о свободѣ и, повидимому, какъ слабое эхо пронесшихся въ то время во Франціи народныхъ движеній, а съ другой—новымъ дальнѣйшимъ свидѣтельствомъ того вліянія, которое оказывали иностранцы на русское общество послѣ реформъ Великаго Преобразователя Россіи и обильнаго притока ихъ въ Россію.

I.

Чухломскій помѣщикъ Николай Ѳедоровичъ Катенинъ вышелъ изъ военной службы въ 1790 г. въ отставку секундъ-маіоромъ и зажилъ себѣ припѣваючи въ родовой усадьбѣ сельцѣ Занинѣ, Костромской губерніи. Къ его помѣстью принадлежалъ цѣлый рядъ сосѣднихъ деревень: Наговицыно, Голузино, Фетиньино, Михалево.

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Юст. Дѣло Чухломскаго упраздненнаго уѣзднаго суда по описи № 2439. Собственныя и географическія имена, а равно все содержаніе очерка является точной обработкой документа, передающей безъ прикрасъ, что было въ дѣйствительности.

Петрушино, Быково, Жаровки, Футякино, Омицыно, Рожново и Еремѣево. Дворовыхъ и крестьянъ по 4 ревизіи за нимъ значилось болѣе 500 человекъ. Семейство Катенина состояло изъ жены Авдотьи Ивановны, сына мальчика Ивана и взрослого родного брата—Андрея Ѳедоровича. Кромѣ того, въ господскомъ же домѣ въ усадьбѣ жили учитель—гувернеръ мальчика „профессоръ“ Кауфманъ и „для компаніи“ прежде бывшій гувернеръ Шанделье. Николай Ѳедоровичъ Катенинъ съ своими крестьянами и дворовыми обращался очень сурово, держалъ ихъ „въ военномъ повиновеніи“ и за малѣйшее ослушаніе наказывалъ розгами; скоро очень привязывался къ молодымъ своимъ болѣе способнымъ дворовымъ, назначалъ ихъ въ старосты и дворецкіе, но и такъ же скоро къ нимъ остывалъ и смѣщалъ ихъ съ должностей; стариковъ же совсѣмъ не любилъ.

Въ 1794 г. зимою поѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Москву и Кострому и передъ отъѣздомъ зашелъ на конюшни, въ которыхъ вмѣстѣ съ его новымъ любимцемъ „главнымъ конюшимъ“, молодымъ парнемъ Маркомъ Ѳадѣевымъ, они осмотрѣли сѣно и рѣшили, что его хватить вполне до новаго покоса. Катенинъ пробылъ въ отлучкѣ до половины марта, въ дорогѣ простудился и, пріѣхавъ къ себѣ, пролежалъ болѣе мѣсяца въ постели. По выздоровленіи онъ пошелъ на конюшни и нашелъ всѣхъ почти лошадей исхудалыми и больными, сѣна же нигдѣ не было; конская сбруя—хомуты и уздечки не только не прибраны, но порваны, даже нѣкоторые „экипажи“ изломаны.

— Ты негодай, лѣнивый, безпечный, изъ корысти моришь лошадей, должности не исполняешь!—закричалъ Катенинъ на Марка Ѳадѣева.

— А Исакъ Савиновъ, вашъ буфетчикъ,—хмурясь и довольно грубо огрызнулся Ѳадѣевъ,—болѣе меня безпеченъ, сдѣлалъ пожаръ, отъ котораго, если бы домъ сгорѣлъ, было бы убытка 15 тысячъ рублей, и вы ему простили.—А лошади того не стоятъ!—дерзко глядя исподлобья на Катенина, закончилъ Ѳадѣевъ.

— Въ лакейскую!—крикнулъ съ гнѣвомъ Катенинъ.

Ѳадѣевъ бросился было бѣжать, но его поймали и привели къ господину.

— Доставить въ лакейскую же Савинова,—приказалъ Катенинъ.

Дворовые уже знали приказъ помѣщика: съ розгами они повели Ѳадѣева и Савинова въ лакейскую комнату, куда явился и Катенинъ.

— Я тебя было простилъ!—обратился онъ къ Савинову, также очень молодому парню, но тебя оговорилъ Ѳадѣевъ, и чтобъ за-

видки не было, а впредь бы вамъ не воровать, васъ накажутъ обоихъ. Тебя изъ буфетчиковъ,—вновь онъ сказалъ. Савинову,—я перевожу въ подкамердинеры, а Марка заурядъ въ скотники.—Начинайте! крикнулъ онъ дворовымъ. Лакейская огласилась воплями наказываемыхъ, а послѣ сѣченія они здѣсь же были брошены до утра слѣдующаго дня.

II.

Хотя Н. Ѡ. Катенинъ былъ „крутого и злого нрава“, какъ признавали даже его домашніе, однако онъ имѣлъ постоянную слабость къ музыкѣ: нѣсколько лѣтъ подъ рядъ содержалъ у себя въ усадьбѣ оркестръ изъ крѣпостныхъ и даже особую „музыкантскую школу“, въ которой на разныхъ инструментахъ учились его же дворовые мальчики; но школа шла плохо, потому что Катенинъ все не могъ подыскать хорошаго учителя. Такъ и весной 1794 г., вскорѣ по наказаніи Ѡадѣева и Савинова, онъ отправился въ Москву для найма учителя.

Здѣсь, по рекомендаціи родственниковъ жены, Катенинъ въ Новой улицѣ, близъ Лубянки, нашелъ музыканта, польской націи, краковскаго уроженца Іосифа Гебеду и зашелъ къ нему на квартиру. Первое впечатлѣніе, вынесенное Катенинымъ отъ музыканта, было самое благопріятное. Гебеда, какъ говорилъ Катенинъ, оказался „чрезвычайно учтивымъ въ сношеніяхъ“. Ему было 38 лѣтъ, онъ казался очень подвижнымъ. Катенину также понравилось, что Гебеда былъ и дома одѣтъ весьма прилично „въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся шитый золотомъ канифасный жилетъ“. Музыкантъ представилъ секундъ-маіору свою жену Стефаниду Ивановну, прибавивъ, что она родомъ „россійская дворянская дочь“ и имѣетъ свою крѣпостную дѣвку Татьяну.

Когда Гебеда узналъ о цѣли посѣщенія своего гостя, то тотчасъ же далъ просмотрѣть Катенину два аттестата на нѣмецкомъ языкѣ о его прежней службѣ, а потомъ досталъ изъ небольшого кожанаго ящика скрипку. По той осторожности, съ которой Іосифъ Гебеда доставалъ инструментъ, Катенинъ подумалъ, что покажутъ что-нибудь удивительное.

— Это скрипка віолдамуръ Антоніо Страдуари Кремона, ей почти полтора ста лѣтъ, она сдѣлана въ 1664 году и мною только за нее заплачено 600 рублей, а теперь я не отдамъ ее ни за какую цѣну,—сказалъ Гебеда.

— Послушайте теперь, какъ она играетъ,—продолжалъ онъ.— Я вамъ исполню концертъ къ симфоніи, Дерновича.

Катенинъ долженъ былъ сознаться, что и скрипка, и игра Гебеды были превосходны.

Онъ явился къ музыканту на другой день вмѣстѣ уже съ своею женою, Авдотьей Ивановною. У Гебеды былъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, котораго хозяинъ назвалъ довѣреннымъ помѣщика Мамонова, пришедшимъ договариваться съ Гебедою для приглашенія его капельмейстеромъ.

Такъ же, какъ и въ первый разъ, Гебеда вынулъ изъ другого ящичка новую скрипку.

— Тоже віолдамуръ Іозепа Гварнеріуса Федына Кремона, стоящая 500 рублей,—сказалъ Гебеда, обращаясь къ Катенинымъ. Послушайте ея звукъ!

Гебеда сыгралъ, какъ онъ объяснилъ послѣ, нѣсколько сочиненій Пляяла, Шика, Яневича, Віаты, напечатанныхъ у него на бумажныхъ листахъ. Катенинымъ игра его очень понравилась, и онъ спросилъ Гебеду, сколько бы взялъ онъ съ него въ годъ за обученіе его дворовыхъ въ школѣ въ усадьбѣ.

Музыкантъ отвѣтилъ, что только передъ приходомъ Катениныхъ довѣренный Мамонова, здѣсь находящійся, предлагаетъ ему 800 рублей въ годъ, но ему нужно ѣздить по двумъ вотчинамъ, что онъ, Гебеда, находитъ для себя неудобнымъ.

Секундъ-маіоръ замѣтилъ, что онъ болѣе 500 р. въ годъ никогда учителю, даже имѣющему званіе „профессора“, не платилъ, и что если онъ, Гебеда, за эту сумму согласится, тогда онъ съ удовольствіемъ повезетъ музыканта къ себѣ и жалованья дастъ Гебедѣ, его женѣ и крѣпостной ихъ дѣвкѣ полное содержаніе.

Черезъ нѣсколько дней Катенины вновь зашли къ музыканту. Гебеда съ женой только-что собирались уходить изъ своей квартиры. Обоихъ Катениныхъ поразилъ чрезвычайно изящный костюмъ Стефаниды Ивановны Гебеды, одѣтой „въ коричневый атласный съ желтыми цвѣточками сертукъ съ атласною же бѣлою юбкою съ фалбарой“. На головѣ у нея была „шапка красная венгерская съ золотой кистью, съ крылиной опушкой“.

Однако Гебеды остались у себя дома, изъ квартиры не пошли, а послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Катенинъ ударилъ съ музыкантомъ по рукамъ—тотъ согласился ѣхать къ нему въ усадьбу за 500 рублей въ годъ.

Для начала дѣла Катенины сдѣлали подарки: Гебедѣ—кафтанъ красный, подшитый красною же тафтою; его купили въ Москвѣ за 30 рублей; женѣ его—Стефанидѣ Ивановнѣ—3 куска кисеи разной—

цѣною въ 42 р. и 2 кушака широкихъ розовыхъ атласныхъ, стоимостью въ 4 р. 80 к.

Тогда же Н. Ѳ. Катенинымъ съ Іосифомъ Гебедою былъ заключенъ „контрактъ“, по которому Гебеда обязался „поступить въ домъ Катениныхъ въ отправленіе капельмейстерской должности и обучать его крѣпостныхъ людей до 20 человекъ инструментальной, духовной и пѣвческой музыкѣ, а вездѣ, гдѣ нужно, ему, Гебедѣ, дирижировать. Всѣмъ мальчикамъ находится въ полномъ послушаніи его, Гебеды; если кто изъ нихъ будетъ лѣнивъ въ обученіи или явится виновнымъ въ дурныхъ какихъ поступкахъ, то наказывать ихъ долженъ самъ Гебеда, не относясь за тѣмъ къ Катенину“.

III.

Въ концѣ іюня 1794 г. Гебеды пріѣхали въ усадьбу Катенина, село Занино. Имъ отвели въ господскомъ домѣ просторную хорошую комнату, которая и заставилась вещами, принадлежавшими Гебедамъ: кроватью краснаго дерева съ пологомъ кисейнымъ, подзоромъ атласнымъ, на которой накинуто одѣяло англійскаго стеганья съ фалбарой; сундуки: обитые оленью кожей и просто дубовые, ларчики и чемоданы; цѣлая дубовая полочка была занята нѣсколькими бутылками „лодиколону“, шестью картузами пудры и тремя банками помады, наконецъ, на видномъ мѣстѣ красовалась „подставочка подпиральная для музыкальныхъ сочиненій со львомъ слоновой кости“¹⁾.

Въ первое время пребыванія семьи Гебеды въ домѣ Катениныхъ имъ оказывались „всякія ласки и дружескія неоставленія“. Гебеда съ своею женою ѣздилъ съ Катениными по родственникамъ и знакомымъ послѣднихъ, игрывалъ тамъ на обоихъ „віолдамурахъ“. Въ музыкантской школѣ онъ повелъ дѣло также успѣшно, но вопреки прежнимъ учителямъ принималъ въ нее, болѣе малолѣтнихъ ребятъ и дѣвочекъ отъ 12 лѣтъ. Катенину не нравилось только, что Гебеда отличалъ и очень хвалилъ нѣкогда наказанныхъ имъ

¹⁾ Въ дѣлѣ приведена обширная опись полного обихода цѣлой семьи, очень интересная; по недостатку мѣста мы ее помѣстить не можемъ; въ ней между прочимъ указываются: часы золотые въ футлярѣ черепаховомъ, цѣпочка золотая съ жемчугомъ, чайникъ черный мѣдный средней руки, 2 ф. чаю зеленаго въ 6 р., голова сахару 7 р. 70 к., двѣ пары чайныхъ чашекъ 2 р. Свѣчи вѣничальныя бѣлаго воску—20 к. Мантилья черная тафтяная съ аграмантомъ 12 руб.

Исака Савинова и Марка Оадѣева, которыхъ тотъ взялъ къ себѣ также въ школу „яко способныхъ и искусныхъ въ музыкѣ“.

По истеченіи полугода большинство учившихся въ школѣ могли уже на разныхъ инструментахъ соединяться въ оркестръ, или, какъ говорилъ Гебеда, исполнять „оркестровую музыку“; но несмотря на то, самъ Катенинъ началъ испытывать иное чувство къ капельмейстеру, чѣмъ раньше.

Уже вскорѣ по прибытіи Гебеды въ домъ Катенина, послѣдній сталъ замѣчать, что учитель смотрѣлъ, какъ на самого хозяина, такъ и на всѣхъ живущихъ въ домѣ свысока; всегда только и было хорошо то, что сдѣлано имъ, Гебедою; только то и было умно, что сказано имъ же. Онъ прямо порицалъ Катенина за то, что тотъ спитъ послѣ обѣда, говоря, что онъ еще „не настолько старъ, чтобы уподобляться животнымъ“. Если Николай Оедоровичъ или его жена начинали хвалить жившихъ въ ихъ же домѣ гувернеровъ Кауфмана или Шанделье или дѣлали имъ подарки, они видѣли ясно недовольное лицо капельмейстера, которое бывало всегда таковымъ же, если кто-нибудь изъ нихъ не соглашался съ Гебедою. Онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, но при малѣйшемъ ихъ нарушеніи со стороны Катениныхъ, даже случайномъ, тотчасъ же обижался и уходилъ къ себѣ. Вспышки съ одной стороны отъ его неуживчиваго тяжелаго характера, а съ другой необузданность нрава самого хозяина начали обострять отношенія.

Однажды Катенинъ и его жена чуть не цѣлый часъ просили Гебеду съѣздить съ ними къ ближайшимъ сосѣдямъ, просила его о томъ же и его жена Степанида Ивановна, но такъ и не могли уломать упрямаго, которому показалось обиднымъ, что гувернера мальчика г. Кауфмана пригласили туда же прежде его, капельмейстера. Въ другой разъ Катенинъ собрался навѣстить свою беременную куму, жившую очень далеко; лошади были уже поданы, и Катенинъ вышелъ, чтобы сѣсть въ повозку. Но здѣсь онъ увидалъ Гебеду, также одѣтаго совершенно по-дорожному и съ ружьемъ. Музыкантъ сказалъ Катенину, что онъ также хотѣлъ бы съ нимъ прокатиться и по дорогѣ поохотиться. Секундъ-маіоръ объяснилъ ему цѣль своей поѣздки, сказавъ, что беременная опасно больна. Гебеда, не дослушавъ даже словъ Катенина, стремглавъ бросился къ себѣ въ комнату. Помѣщикъ пообдумавши пошелъ за нимъ и убѣдилъ Гебеду ѣхать вмѣстѣ; въ дорогѣ тотъ молчалъ, а когда пріѣхали къ кумѣ, онъ не пошелъ въ домъ и не охотился, а все время сидѣлъ у усадьбы и опять вмѣстѣ съ Гебедой недовольный вернулся домой.

Но главное разногласіе происходило у хозяина съ капельмейстеромъ изъ-за музыкальной школы. Хотя по контракту Катенинъ и отдавалъ ее въ распоряженіе Гебеды, но, какъ привыкъ онъ и при прежнихъ учителяхъ въ школѣ, постоянно вмѣшивался въ дѣла ея. Гебеда же хотѣлъ быть въ ней полноправнымъ хозяиномъ; онъ нерѣдко упрекалъ секундъ-маіора въ жестокомъ обращеніи съ людьми, а самъ наказывалъ учениковъ, билъ кнутомъ, выгонялъ въ одной рубашкѣ на морозъ и т. п. Только двоихъ изъ нихъ Савинова и Өадѣва Гебеда никогда не наказывалъ, тогда какъ на нихъ-то часто Катенинъ хотѣлъ срывать свой господскій гнѣвъ, сажалъ ихъ въ заключеніе на хлѣбъ и на воду, но и тутъ капельмейстеръ почти всегда ихъ освобождалъ, не спрашивая разрѣшенія Катенина; когда же послѣдній замѣчалъ о томъ Гебедѣ, то музыкантъ обыкновенно отвѣчалъ, что по контракту всѣ ученики „находятся въ его командѣ“.

Кромѣ того, Катенинымъ неоднократно было замѣчено, что Гебеда ведетъ какіе-то переговоры съ его дворовыми и крѣпостными крестьянами, всегда прекращавшіеся, какъ только послѣдніе замѣчали своего помѣщика. На его же вопросъ они отвѣчали, что учитель спрашивалъ о выборѣ новыхъ „ребятъ“, желающихъ учиться въ музыкальной школѣ. Но къ веснѣ 1795 г. Катенинъ сталъ замѣчать между своими людьми и крестьянами что-то неладное: многіе изъ нихъ перестали исполнять „его господскую работу и оказывать явное неповиновеніе не только старостамъ, но даже самому помѣщику“, несмотря на то, что онъ наказывалъ провинившихся еще строже—„кнутьями, смоляными плетями и кошками, не исключая даже дѣтей въ возрастѣ 10—12 лѣтъ“.

Къ веснѣ же 1795 г. отношенія между капельмейстеромъ и хозяиномъ настолько ухудшились, что послѣдній сталъ иногда прямо въ глаза называть его „полякомъ“.

— Но вольный человекъ, не твой рабъ!—тогда съ гнѣвомъ, краснѣя, какъ ракъ, отвѣчалъ ему Гебеда и убѣгалъ къ себѣ въ комнату.

IV.

Вечеромъ 28 апрѣля 1795 г. Николай Өедоровичъ Катенинъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ Өедоровичемъ и Гебедою играли въ карты. Николай Өедоровичъ былъ пьянъ и все время придирался къ учителю. Спрашивалъ, напримѣръ, почему Гебеда не носитъ краснаго кафтана, подареннаго ему секундъ-маіоромъ. Гебеда отвѣ-

чалъ, что наоборотъ онъ очень цѣнить его даръ, бережетъ и потому въ будніе дни его не надѣваетъ.

— Ты скоть неблагодарный! крикнулъ Катенинъ, бросая картами въ учителя.

— А ты съ вольными людьми обходиться не умѣешь; ты прежняго капельмейстера, который былъ до меня, хотѣлъ высѣчь; онъ спасся бѣгствомъ!—также съ раздраженіемъ, тоже крича, отвѣтилъ Гебеда, вскакивая изъ-за стола.

— Ахъ ты, мошенникъ!—зашипѣлъ отъ злости Катенинъ, схватывая учителя сразу за кафтанъ и галстухъ.

Гебеда рванулся: фалда кафтана и шейный галстухъ остались въ рукахъ Катенина.

— Выходецъ польскій, змѣя, грубіанъ!—доносилось до слуха Гебеды, когда онъ опрометью бросился къ себѣ въ комнату.

Степанида Ивановна сразу поняла, что съ мужемъ произошло что-то необыкновенное.

— Пойдемъ сейчасъ вверхъ!—схватывая жену за руку, почти шепотомъ произнесъ ей Гебеда.—А ты запрись сейчасъ же,—дрожа отъ волненія, продолжалъ Гебеда, обращаясь къ крѣпостной дѣвкѣ жены Татьянѣ:—если люди помѣщика или онъ самъ станутъ стучаться въ дверь, скажи, что мы въ постели, а тебѣ не велѣно отпирать.

Держа въ рукахъ подсвѣчникъ съ восковой свѣчей, Гебеда въ сопровожденіи жены направился въ отдѣльную избу, занимаемую музыкантской школой. Нѣкоторые изъ учениковъ уже собирались спать.

— Ступай собирай всѣхъ, какъ говорили въ верхъ конюшни,—обратился Гебеда къ Исаку Савинову и почти тотчасъ же съ женою пошелъ вонъ изъ избы.

Саженьяхъ въ 50-ти отъ дома за паркомъ стояло большое деревянное зданіе конюшни. По узкой лѣстницѣ вмѣстѣ съ Степанидой Ивановной Гебеда поднялся верхъ, гдѣ обширное помѣщеніе, заполняемое сѣномъ, было почти пусто.

Гебеда зажегъ свѣчу и сталъ ждать.

Черезъ полчаса въ верхъ конюшни сталъ наполняться народомъ. Одними изъ первыхъ явились Исакъ Савиновъ и Маркъ Фадѣевъ и съ ними всѣ ученики музыкальной школы числомъ до 20, потомъ начали приходить дворовые, нѣсколько старостъ и крестьяне ближайшихъ деревень. Собралось человѣкъ до 50-ти. Въ рукахъ у Исака Савинова появился образъ.

— Вы слышали, какъ вашъ господинъ меня обидѣлъ!—взволнованнымъ голосомъ и немного ломаннымъ русскимъ языкомъ началъ

говорить Гебеда.—Онъ меня хотѣлъ такъ же жестоко увѣчить, какъ многихъ изъ васъ. Но ваша жизнь лучше нашей, потому что мы для своего прокормленія ходимъ по разнымъ помѣщикамъ, имѣемъ множество командировъ и не знаемъ, какъ имъ угодить. Вы же, ребята, счастливые люди, потому что теперь господинъ въ васъ уже не властенъ—есть законъ, что онъ васъ ни наказывать, ни къ чему принудить не можетъ. А если вы хотите быть вольными, какъ въ моемъ отечествѣ, то согласитесь принести на вашего господина общую жалобу, что онъ всѣхъ васъ мучить и морить съ голоду.

— Главное правительство,—возвышая гололосъ и со злобою, почти крича, продолжалъ Гебеда,—принявъ вашу жалобу за справедливость, осудить вашего господина быть въ смиренномъ домѣ, а васъ сдѣлаетъ вольными и запишетъ въ мѣщане или кто куда захочетъ. Такъ мнѣ говорилъ командиръ Хлѣбниковъ, что у вашего господина въ кабинетѣ о землѣ писалъ. Только не открывайте никому, что о томъ я вамъ сказалъ, а согласите всѣхъ господскихъ крестьянъ, чтобъ они послѣдовали вашему примѣру.

— Мы о вольности говорили со всѣми, они согласны. Какъ то сдѣлать?—раздались голоса.

— Очень просто,—отвѣтилъ Гебеда,—нужно вашего господина связать и отвезти въ городъ.

— Нѣтъ, за то имъ больно худо будетъ,—возразила жена Гебеды Степанида Ивановна,—лучше донести въ городъ начальству, что у господина вамъ жить силъ не достаетъ.

— Вѣрно, вѣрно!—раздались голоса.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ вновь капельмейстеръ;—ступайте, ребята, смѣло, а я не пожалѣю положить за васъ своихъ денегъ трехъ тысячъ рублей. Только обо мнѣ и о женѣ моей никому не открывайте, а стойте въ одномъ—у помѣщика жить не мочно, потому что бьетъ и мучить, и морить съ голоду.

Послѣ этого Савиновъ, высоко поднявъ образъ, заговорилъ, обращаясь къ толпѣ:

— Присягайте всѣ въ томъ, чтобы заодно говорить на господина, а если кто изъ насъ придетъ въ раскаяніе, явится къ нашему господину, въ нашемъ заговорѣ и умыслѣ признается, тотъ да будетъ анаема—проклять и не грѣхъ такого человѣка, гдѣ падется, убить до смерти.

Исакъ поцѣловалъ образъ, его примѣру послѣдовали всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и жена Гебеды.

— Въ домѣ огни погасли, — началъ опять говорить Савиновъ,—господинъ, должно, легъ спать, только въ спальнѣ свѣтъ, идемъ осторожно, чтобъ онъ не слыхалъ, поднимать мѣръ.

По выходѣ изъ конюшни, Гебеда отослалъ жену домой, а самъ почти около часа ходилъ по „задому“, поглядывая на виднѣвшійся изъ спальни Катенина свѣтъ и наблюдая за разошедшимися въ разные деревни крестьянами. Вернувшись въ свою комнату, онъ не раздѣваясь легъ въ постель. Спустя какой-нибудь часъ, онъ услышалъ стукъ къ себѣ въ дверь и голосъ „камординера“ Катенина, говорившаго, что Николай Федоровичъ прислалъ за нимъ, Гебедою, чтобъ онъ тотчасъ шелъ въ домъ играть минуэть.

— У меня голова болитъ, я не могу играть,—отозвался музыкантъ.

Посланный ушелъ, но тотчасъ же вернулся къ Гебедѣ съ новымъ предложеніемъ Катенина—идти къ нему хотя больному.

Капельмейстеръ отвѣчалъ прежнимъ отказомъ.

Черезъ полчаса онъ услышалъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ и настойчивый стукъ въ дверь.

— Если ты не пойдешь волею, то Николай Федоровичъ приказалъ тащить тебя насильно! крикнулъ въ дверь „камординеръ“.

Гебеда молчалъ, осматривая запоры двери, которые оказались надежными, несмотря на начавшееся стараніе четырехъ человѣкъ ее сломать.

— Коли вы будете безчинствовать, я буду стрѣлять!—крикнулъ Гебеда, беря въ руки заряженное ружье.—Вы знаете, что я стрѣляю безъ промаха; кому жизнь не дорога, пусть исполняетъ приказъ вотчинника, такъ ему и передайте.

Стуки въ дверь прекратились.

— Скажите ему,—продолжалъ говорить, приближаясь къ двери, Гебеда,—что я не допущу того, что онъ сдѣлалъ съ прежнимъ капельмейстеромъ, жившимъ въ этой же комнатѣ, человѣкомъ вольнымъ. Онъ повѣрилъ его словамъ, отперъ дверь, а его потащили къ помѣщику и передъ нимъ его высѣкли плетью вмѣстѣ съ женою. Скажите, что я того не потерплю, живой въ ваши руки не дамся, а если онъ пьянъ, скажите о томъ Авдотѣ Ивановнѣ.

Гебеда услышалъ шаги людей, уходившихъ отъ двери. Сначала онъ думалъ, что его оставили совсѣмъ въ покоѣ, но вскорѣ по донесшемся до его слуха шепоту и нѣкоторому шуму онъ догадался, что находится подъ карауломъ по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ. Приставивъ скамью къ двери и держа ружье наготовѣ, Гебеда насторожился и въ такомъ положеніи пробылъ до разсвѣта.

Но не храбрости Гебеда былъ обязанъ своимъ спасеніемъ; обстоятельства шли такъ, что Катенину было не до него.

Послѣ цѣлованія иконы заговорщиками, они разошлись по деревнямъ и часовъ въ 12 ночи вернулись къ господскому дому въ

сопровожденіи своихъ односельчанъ; набралась огромная толпа человекъ въ 400 съ кольями, косами, мотыгами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были зажжены бочки съ смолою. Въ окна дома посыпались камни, а стоявшіе близъ дома въ разныхъ мѣстахъ столы и скамейки съ крикомъ были поломаны.

„Катенинъ, его жена и малолѣтній сынъ, а также гувернеръ Кауфманъ находились въ столь великомъ страхѣ,—сказано въ документѣ,—что они не знали, что дѣлать, заперлись во внутреннихъ покояхъ, куда не долетали камни, и дрожали отъ страха“. Хмель Катенина совсѣмъ прошелъ. Онъ совѣтовался съ камердинеромъ Петромъ Наумовымъ и хотѣлъ напоить бунтовщиковъ виномъ, чтобы тѣмъ отвлечь ихъ отъ дома. Но Наумовъ сказалъ, что пить будутъ не всѣ, что другіе еще пуще ворвутся въ домъ, и просилъ господина, чтобъ тотъ довѣрилъ ему спасеніе.

Взявъ съ собою четырехъ болѣе смѣлыхъ дворовыхъ, давъ каждому изъ нихъ по два заряженныхъ ружья, Наумовъ вмѣстѣ съ ними вышелъ на всѣ четыре лѣстницы господскаго дома.

— Пусть баринъ дастъ намъ вольную, мы его не имѣемъ, не слушаемъ, пусть живетъ безъ насъ!—доносились крики толпы.

Наумовъ далъ знакъ, и всѣ четверо дворовыхъ, стоявшихъ у дверей, выстрѣлили кверху въ воздухъ.

— Если вы будете приступать къ дому, то каждый, кто приблизится, будетъ убитъ до смерти!—крикнулъ изъ всей силы камердинеръ.

Грянувшіе разомъ неожиданно выстрѣлы испугали подступившихъ, они отхлынули отъ дома, „болѣе къ нему уже не подходили, а кричали и забіячили по прочимъ мѣстамъ“,—какъ говоритъ документъ.

Передъ разсвѣтомъ толпа стала совѣщаться. Отъ нея отдѣлилась партія въ 28 человекъ и во главѣ съ Савиновымъ и Оадѣевымъ направилась къ „лакейской“, всѣ остальные съ крикомъ разошлись по своимъ деревнямъ. Отдѣлившаяся же партія, взявъ съ собою изъ лакейской „столбъ, къ которому привязывались наказываемые, плети, кнуты, кошки, кольца и всѣ другія, служащія при наказаніяхъ вещи, двинулась по дорогѣ въ городъ Чухлому“.

Петръ Наумовъ, увидѣвъ, что бунтовщиковъ около дома не оказалось, сообщилъ о томъ Катенину и, сѣвъ на лошадь, верхомъ поѣхалъ за шедшими въ Чухлому, „наблюдая за ними издалека“. Въ первой же деревнѣ отъ сельца Занина—Шартовѣ, гдѣ стояла рогатка и карауль изъ крестьянъ, шедшая партія Катенинскихъ людей объяснила караульнымъ, что они идутъ „не для сноса животовъ, а для жалобы присутственнымъ мѣстамъ на ихъ помѣщика“; караульные пропустили ихъ свободно.

Долго ходили потомъ по городу Чухломѣ Катенинскіе люди „скопомъ“, не зная куда обратиться. Наконецъ, ихъ замѣтила „какъ праздношатающихся“ чухломская полиція и привела въ нижній земскій судъ, гдѣ „жалобщики“ и подали просьбу слѣдующаго содержания:

„Сдѣлайте милосердіе, избавьте насъ отъ смерти; нашего терпѣнія больше не стало и жить невозможно у нашего господина, Николая Ѳедоровича Катенина, что онъ мучитъ насъ всѣхъ и тиранитъ, сквозь строй гоняетъ до тѣхъ поръ, что иныхъ водою отливаютъ, спиртомъ оттираютъ, а когда въ себя приходятъ, паки бьютъ, чѣмъ попало“.

Но въ то время, какъ „жалобщики“ отыскивали судъ и расправу, Петръ Наумовъ въѣхалъ въ Чухлому другою дорогою и подалъ объявленіе въ Управу Благочинія „въ неприличномъ хожденіи людей господина его по городу“, просилъ допросить ихъ въ побѣгѣ, а до прибытія помѣщика въ Чухлому—содержать ихъ подъ стражею. Вслѣдствіе сего всѣ 28 жалобщиковъ были переведены изъ нижняго суда въ Управу Благочинія и тамъ посажены въ тюрьму.

У.

На другой день послѣ бунта въ обѣденную пору Гебеда явился къ Катенину, сказалъ, что послѣ того, что случилось, онъ служить болѣе не можетъ, просилъ отпустить его совсѣмъ, давъ по уговору лошадей для отъѣзда.

— Не хочешь оставаться у меня по контракту, тогда я принужду жить у меня неволею!—крикнулъ ему секундъ-маіоръ.—Погоди, я еще узнаю въ Чухломѣ о твоихъ сговорахъ съ музыкантами,—добавилъ онъ.

Въ тотъ же день Катенинъ уѣхалъ въ городъ, а вернулся 2 мая въ сопровожденіи уѣзднаго стряпчача Налетова, застѣателя и секретаря земскаго суда. Гебеда въ ихъ присутствіи предъявилъ Катенину свою просьбу уволить его.

— Нѣтъ, ты еще посидишь у меня, ты еще отвѣтишь за музыкантовъ!—грубо и со всякою бранью отвѣтилъ Катенинъ. Живи волею, а не то удержу насильно.

„Опасаясь себѣ всякаго дурна“,—какъ сказано въ дѣлѣ, Гебеда, оставивъ жену и крѣпостную ея дѣвку у Катенина и взявъ съ собою только ружье да кое-какія мелкія вещи, въ тотъ же день пѣшкомъ ушелъ изъ усадьбы, добрался до первой по пути деревни, нанялъ здѣсь крестьянскую лошадь, доѣхалъ до галичскаго помѣщика гене-

рала Семичева, въ домѣ котораго онъ „давалъ оркестры“; здѣсь переночевалъ и на лошадахъ этого помѣщика былъ привезенъ въ Кострому. Гебеда тотчасъ же явился къ правителю Костромскаго намѣстничества Ивану Варфоломеевичу Ламбу и просилъ его принять подъ свое покровительство его, Гебеду, „яко несчастнаго иностранца“, во всѣхъ обидахъ Катенина поступить по законамъ, взыскавъ съ него въ пользу Гебеды 700 р. за разстройство его состоянія, а жену его, Степаниду Ивановну, крѣпостную дѣвку и его имѣніе отъ Катенина избавить, пославъ за ними нарочнаго унтеръ-офицера съ солдатомъ.

Правитель намѣстничества И. В. Ламбъ отправилъ къ Катенину собственноручное письмо съ сержантомъ Мелеховымъ съ просьбою объ отпускѣ жены Гебеды на лошадахъ секундъ-маіора.

Положеніе жены Гебеды, оставшейся въ домѣ Катенина, было самое тяжелое — „она ежедневно была огорчаема отъ самого Катенина и его жены разными упреками и привязками“.

— Скоро твоего бѣглеца ко мнѣ доставятъ тѣмъ же обычаемъ — пѣшкомъ, какъ ушелъ, не смѣй разрывать контракта! — говаривалъ постоянно съ усмѣшкою Катенинъ Степанидѣ Ивановнѣ.

Когда же онъ получилъ письмо правителя Костромскаго намѣстничества, то вызвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и съ глаза на глазъ сказалъ ей:

— Если хочешь ѣхать къ своему мужу, то поѣзжай, на чемъ хочешь, а имѣнія вашего я тебѣ не выдамъ. А не хочешь ѣхать, оставайся здѣсь; однако же не думайте, чтобы вы избавились моихъ рукъ. Какимъ-нибудь способомъ, а вы опять въ моихъ рукахъ будете, и „бѣглеца“ я у себя жить заставляю.

Со слезами на глазахъ, Гебеда призвала къ себѣ въ комнату сержанта Мелехова и „усиленнымъ образомъ“ просила, чтобы онъ безъ нея въ Кострому никоимъ образомъ не уѣзжалъ, потому что она опасается отъ Катенина всяческой обиды, даже „не свойственной ей полу“. 18 мая Мелеховъ нанялъ въ ближайшей деревнѣ подводу за 4 рубля и вмѣстѣ съ женою Гебеды изъ усадьбы Катенина уѣхалъ, при чемъ помѣщикъ дозволилъ Степанидѣ Ивановнѣ взять только ея дѣвку, постель да небольшой ларчикъ съ женскими вещами. Всѣ же остальные предметы въ комнатѣ, гдѣ жили Гебеды, запечаталъ своею печатью и Мелехову для передачи правителю намѣстничества вручилъ письмо.

Въ немъ онъ сообщалъ, что отлучиться въ Кострому, какъ желалъ того И. В. Ламбъ, Катенинъ не можетъ, такъ какъ его всѣ люди взбунтовались; осталось при немъ „вѣрныхъ едва нѣсколько“,

точно также и подводъ для жены Гебеды отпустить не можетъ вслѣдствіе переломки экипажей во время бунта.

23 мая 1795 г. Степанида Ивановна вмѣстѣ уже со своимъ мужемъ явилась къ правителю намѣстничества и объяснила, что Катенинъ изъ вещей ихъ ничего не дозволилъ ей взять, все записывалъ и запечатывалъ, какъ хотѣлъ; не могла она исполнить и приказа своего мужа—во что бы ни стало захватить съ собою оба „віолдамура“: помѣщикъ не только не отдалъ ихъ, но съ грубостію закричалъ на нее, и опасается она, чтобы онъ „по злему своему праву не сдѣлалъ имъ какого дурна“. Оба Гебеды „просили его высокопревосходительство объ удовольствіи ихъ надлежащею справедливостію, возрѣвъ начальнически на безчеловѣчныя дѣянія помѣщика“.

И. В. Ламбъ о дѣлѣ Гебеды съ Катенинымъ, какъ о выдающемся происшествіи, согласно 84 ст. Учрежденія о губерніяхъ, донесъ „въ обыкновенномъ недѣльномъ рапортѣ“ съ нарочнымъ курьеромъ правящему должность Владимірскаго и Костромскаго генераль-губернатора Ивану Александровичу Заборовскому и ждалъ отъ него указаній.

VI.

Между тѣмъ самъ Н. Ѳ. Катенинъ употреблялъ „по-своему“ всѣ усилія, чтобы уладить дѣло съ взбунтовавшимися крестьянами. Тотчасъ же по возвращеніи изъ Чухломы камердинера Петра Наумова и по донесеніи о усиѣхахъ поѣздки, секундъ-маіоръ 30 апрѣля самъ прибылъ въ Чухлому и явился въ Управу Благочинія. Въ своемъ уѣздномъ городѣ у Н. Ѳ. Катенина были многіе „хлѣбоядцы“. Въ Управѣ уже до пріѣзда помѣщика изъ 28 жалобщиковъ 10 человекъ склонили къ полному послушанію, яко „учинившихъ ему сопротивленіе по глупости“. Остальные же 18 отвѣтили, что они скорѣе готовы ссылку претерпѣть, чѣмъ идти къ нему вновь. Эти 18 человекъ и представлены были Катенину въ присутствіи Управы Благочинія.

— Мы согласны, сказали ему крестьяне, — вернуться къ себѣ, если господинъ оставитъ насъ мастеровыми, сдѣлаетъ оброчными, а къ хлѣбопашеству принуждать не будетъ.

— По лѣности своей не хотите работать, бездѣльники!—закричалъ на нихъ Катенинъ и изо всей силы принялся бить многихъ изъ стоявшихъ своихъ людей по щекамъ.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ на глазахъ показались слезы; они стояли молча, трясясь отъ волненія.

— Всѣхъ васъ, воровъ, отладутъ по суду мнѣ, всѣ пропадете вмѣсто собаки,—продолжалъ кричать Катенинъ. До смерти васъ замучу, и виновать не буду, потому, что вы—моя собственность!

Управа Благочинія для дальнѣйшаго допроса 15 человѣкъ проводила въ уѣздный судъ, а троихъ по просьбѣ Катенина, для исправленія „домашними мѣрами“, передала въ распоряженіе Катенина, давъ ему для ихъ караула трехъ солдатъ.

Трое взятыхъ крестьянъ были именно тѣ самые, которые въ присутствіи Управы говорили о желаніи быть выпущенными „на оброкъ“. Всѣ они были закованы въ ручныя и ножныя желѣза.

Какъ только Катенинъ съ ними и караульными провожатыми выѣхали за городъ, секундъ-маіоръ одного изъ крестьянъ, болѣе всѣхъ говорившаго въ Управѣ,—Федора Васильева веревкою привязалъ къ стремямъ своей лошади и, прибавивъ рыси, продолжая его почти тащить за собою, принялся „поминутно“ колотить по головѣ, спинѣ и груди, приговаривая:

— Вотъ тебѣ оброкъ!

Какимъ-то образомъ желѣза, бывшія на Васильевѣ, развалились, и онъ опрометью бросился бѣжать, насколько позволяли его силы, къ видѣвшемуся невдалекѣ лѣсу. Два другихъ закованныхъ крестьянина также побѣжали было за Васильевымъ, но желѣза имъ мѣшали, они принуждены были остановиться.

— Держи ихъ, мошенниковъ!—крикнулъ Катенинъ и вмѣстѣ съ побѣжавшими караульными поскакалъ на лошади за Васильевымъ. Тотъ, пробѣжавъ какія-нибудь полверсты, далѣе идти не могъ, при подъемѣ на небольшой оврагъ запыхался, упалъ и, повернувшись лицомъ къ землѣ, ничкомъ, дожидаясь погони, которая и не замедлила къ нему приблизиться.

— Поднимите разбойника и ведите его за руки, — приказалъ Катенинъ солдатамъ.

Когда Васильева подвели къ двумъ другимъ скованнымъ крестьянамъ, то Катенинъ попеременно во все время пути вплоть до своего сельца Занина билъ палками cadaго.

— Въ лакейскую!—крикнулъ онъ, указывая на трехъ закованныхъ Петру Наумову, вышедшему съ дворовыми встрѣчать барина, какъ только послѣдній вступилъ въ усадьбу. Здѣсь жалобщики „немилосердо“ были наказаны плетью и кнутьями, а потомъ были отправлены на конюшню, гдѣ первые двое были закованы такъ, что имъ по крайней мѣрѣ можно было лежать, а Васильева, пытавшагося было убѣжать съ дороги, заковали за ноги и за руки, а равно и за шею; несчастный въ такомъ положеніи не могъ даже вытянуть ноги и при засыпаніи долженъ висѣть на своей шеѣ.

Секундъ-маіоръ самъ заперъ ихъ на замокъ и при себѣ каждому изъ нихъ отпускалъ по фунту хлѣба и по ковшу воды на день.

Конечно, такого мученія долго выдержать было нельзя; черезъ недѣлю все трое „слезно“ просили помѣщика простить имъ вину, а еще дня черезъ два они, по приказу Катенина, были раскованы, имъ обрили головы, и они отданы были „въ работу“ подъ присмотръ Петра Наумова.

Такому же бритію головы подверглись и тѣ 10 человѣкъ, которые ранѣе въ Управѣ Благочинія принесли свою вину предъ господиномъ, и еще шестеро изъ оставшихся въ уѣздномъ судѣ, измѣнившихъ свое прежнее рѣшеніе и уговоренныхъ судомъ, вернуться къ помѣщику. „Раскаяніе“ принесли 8 человѣкъ, но при препровожденіи ихъ къ Катенину двое—Парамонъ Матвѣевъ и Иванъ Ефимовъ—бѣжали, всѣ поиски ихъ оказались напрасными. Въ тюрьмѣ же Чухломскаго уѣзднаго суда осталось людей Катенина также 8 человѣкъ, которые „по упрямству своему не только возвратиться къ помѣщику не похотѣли, но даже подъ своими допросами не подписались“. Въ числѣ этихъ послѣднихъ восьми находились Исакъ Савиновъ и Маркъ Оадѣевъ.

А спустя какой-нибудь мѣсяцъ послѣ бунта Катенинъ доносилъ правителю намѣстничества, что кромѣ 8 человѣкъ, находившихся въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ, всѣ остальные его дворовые и крестьяне „въ своемъ преступленіи раскаялись, ихъ по великодушію Катенинъ и его жена простили, они находятся по-прежнему въ полномъ его повинненіи, яровую рожь у него исправно запахали и для запахиванія таковой же въ своихъ селеніяхъ отпущены въ дома свои; новыхъ безпокойствъ у него нѣтъ, и вотчина находится въ должной тишинѣ и порядкѣ“.

Но одинъ изъ сержантовъ, бывшихъ у Катенина, сообщалъ, что въ вотчинѣ его заведены „строгости большія“; какъ въ домѣ, такъ и въ усадьбѣ учреждены частные караулы изъ крестьянъ и дворовыхъ людей; запрещается всѣмъ сходиться другъ съ другомъ и между собою разговаривать. Помѣщикъ очень боится внезапнаго нападенія и смуты отъ бѣжавшихъ Парамона Матвѣева и Ивана Ефимова.

Цѣлые годы эти бѣглецы заставляли Катенина держаться насторожѣ, безпокоили его; цѣлый рядъ „объявленій“ о ихъ поимкѣ подавалъ онъ въ присутственныя мѣста, ихъ и слѣдъ простылъ, растворившись въ благопріятныхъ дебряхъ и извилинахъ тогдашняго бытового уклада.

VII.

А дѣло Гебеды пошло своимъ обычнымъ темпомъ, столь вѣрно передаваемымъ оставшимся словомъ „волокита“. Гебеда, узнавъ, что выше намѣстника есть еще генераль-губернаторъ, отправилъ и Заборовскому прошеніе о переводѣ его дѣла въ Костромской уѣздный судъ и о возвращеніи изъ сельца Занина его имѣнія, такъ какъ на присутствующихъ Чухломскаго суда онъ имѣетъ подозрѣніе по короткому ихъ знакомству и хлѣбосольтву съ Катенинымъ. Заборовскій гуманно отнесся къ Гебедѣ, приказалъ, согласно просьбѣ, его дѣло перевести въ Кострому, гдѣ „обиженный иностранецъ, не совершенно вѣдающій російскій языкъ и законы, подъ защитою намѣстническаго правленія можетъ удобнѣе представлять обстоятельства къ своему оправданію и справедливости, а помѣщику Катенину—объявить, чтобы онъ явился въ Кострому къ суду самъ или прислалъ повѣреннаго“.

Катенинъ же въ своемъ отвѣтѣ Заборовскому писалъ, что Гебеда, бывши у него въ домѣ, взбунтовалъ всѣхъ его дворовыхъ и крестьянъ, и не доживя условнаго срока до контракта, бѣжалъ, какъ видно по производящемуся въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ дѣлу, причинилъ ему крайнее разореніе; за его хлѣбъ-соль во всѣхъ знаемыхъ домахъ называлъ его „пьяницею и тираномъ“. По причинѣ своего слабаго здоровья и необходимости наблюдать за водвореніемъ порядка въ своей вотчинѣ Катенинъ ѣхать въ Кострому не можетъ и считаетъ переводъ сюда дѣла изъ Чухломы проволочкой въ виду дальняго 165 верстнаго разстоянія и нарушеніемъ интереса его, Катенина, такъ какъ и всѣ его свидѣтели, которыхъ онъ долженъ представить, живутъ въ Чухломской округѣ.

Въ то же время, по приказу Заборовскаго, чухломскій исправникъ капитанъ-лейтенантъ Лермонтовъ ¹⁾ и стряпчій Налетовъ явились въ сельцо Занино и распечатали комнату, гдѣ хранились вещи Гебеды, печати на всѣхъ запертыхъ сундукахъ оказались въ цѣлости. А такъ какъ для отправления этого имущества въ Кострому нужно было не менѣе 4 подводъ, а Катенинъ дать таковыя отказался, „у исправника же на то не было надлежащей суммы“, то все имущество Гебеды было перепечатано казенною печатью, потомъ положено въ особый чуланъ, заперто замкомъ и запечатано тою же печатью.

Однако, по новому приказу Заборовскаго капралу Чухломской

¹⁾ Предокъ поэта.

канцеляріи Дроздову велѣно имущество подѣ его отвѣтственностію доставить въ Кострому на казенный счетъ. Всѣ печати въ чуланѣ оказались въ цѣлости, и вещи Гебеды за 13 р. 20 к. были доставлены въ Кострому. 12 сентября сюда въ намѣстническое правленіе явился капельмейстеръ Гебеда вмѣстѣ съ женою и приступилъ къ осмотру привезеннаго. Но едва онъ вскрылъ ящички со скрипками, какъ отчаянный вопль его понесся по комнатамъ правленія.

— Несчастные мои виолдамуры! Несчастные мы съ женою! Мы лишены сущности пропитанія! Все кончено по злобѣ тирана Катенина!

Явившемуся намѣстнику Ивану Варфоломеевичу Ламбу Гебеда показалъ, что обѣ скрипки сломаны и исколоты.

— Онѣ приобрѣтены трудами цѣлаго моего вѣка,—ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ капельмейстеръ.—Этими музыкальными инструментами я снискивалъ себѣ средства къ пропитанію и теперь я угнетаюсь, что онѣ уже болѣе къ тому неспособны и не удобны, нельзя даже найти мастеровъ для ихъ исправленія.

И. В. Ламбъ, какъ могъ, успокоилъ Гебеду, сказавъ, чтобы онъ взялъ все имущество къ себѣ и тамъ въ присутствіи командироваемаго канцеляриста составилъ ему опись; если чего не сыщется или что явится испорченнымъ, тому сдѣлать оцѣнку, и все это представить намѣстнику для привлеченія Катенина къ законной отвѣтственности.

На другой день Гебеда представилъ опись пожиткамъ, не оказавшимся въ сундукахъ или испорченнымъ. У одного изъ ящичковъ была отломлена доска и черезъ отверстіе были похищены нѣкоторыя вещи, у голубого сундучка былъ сорванъ замокъ съ пробоемъ; въ сосновомъ сундукѣ были отогнуты петли, въ дубовомъ ларцѣ и въ зеленомъ сундукѣ изъ петель гвозди были вынуты; при всѣхъ этихъ поврежденіяхъ казенныя печати находились въ цѣлости, но очень значительное количество вещей, особенно же платье Гебеды и его жены, было похищено. Всего вещей было украдено по описи Гебеды 1.700 руб., да 1.100 рублей онъ считалъ за оба испорченные виолдамура.

Капралъ Дроздовъ и крестьяне, на чьихъ подводахъ имущество Гебеды было доставлено въ Кострому, показали, что они приняли имущество съ поврежденіями, означенными въ описи Гебеды, но за цѣлыми печатями.

20 октября 1795 г. Катенинъ, на посланное ему изъ намѣстническаго правленія предложеніе сообщилъ, что онъ кромѣ отправленнаго съ капраломъ Дроздовымъ имущества Катенина болѣе ничего у себя не имѣетъ; хранить его у себя онъ не былъ обязанъ, и гдѣ

произошло изломаніе инструментовъ, не знаетъ. За болѣзнію явиться по-прежнему въ Кострому не можетъ, когда же получитъ облегченіе, то прїѣдетъ безъ замедленія.

VIII.

Это приглашеніе Катенина къ суду было послѣднимъ благопріятнымъ поворотомъ дѣла въ пользу Гебеды.

До конца октября 1795 г. оставшіеся въ тюрьмѣ при Чухломскомъ уѣздомъ судѣ крестьяне показывали, что подговаривалъ ихъ къ бунту землемѣръ Хлѣбниковъ, но съ начала ноября мѣсяца они стали говорить другое—указывать, какъ на подстрекателя на Гебеду, рассказывая всѣ обстоятельства бунта въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ у насъ въ очеркѣ.

Землемѣръ же уѣздный В. В. Хлѣбниковъ при допросѣ показалъ, что хотя онъ для размежеванія пустоши Якутиной у секундъ-маіора Катенина въ вотчинѣ находился и въ кабинетѣ помѣщика Исака Савинова и Марка Ѳадѣева видѣлъ списывающими копіи съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ, но никакихъ съ ними разговоровъ, ниже подстрекательствъ не велъ. Самъ онъ, какъ россійскій дворянинъ, таковыхъ же людей въ подданствѣ имѣеть, ни въ какихъ порокахъ никогда не бывалъ; не только содѣйствія къ общественному и частному разврату и къ нарушенію тишины и спокойствія не имѣлъ, но и въ мысляхъ о томъ не воображалъ, а тѣмъ болѣе къ подговору людей Катенина, помня хорошо указы, которыми запрещено строжайше людямъ на своихъ помѣщиковъ доносы дѣлать, а доносителей, сочинителей и разглашателей по симъ дѣламъ указано жестоко наказывать. „Все сіе,—говорилъ Хлѣбниковъ,—могло бы быть ко мнѣ отнесено, если бы я предпочелъ холопскую жизнь благородной, а я и съ помѣщикомъ ихъ доброе знакомство имѣлъ. Въ подтвержденіе же моей совѣсти и чести,—заканчиваетъ землемѣръ,—я готовъ всегда учинить присягу“.

По службѣ о Хлѣбниковѣ дали самый благопріятный отзывъ, и его тогда оставили въ покоѣ.

Кромѣ того, двое изъ самыхъ главныхъ зачинщиковъ бунта Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ подали вдругъ въ Чухломскій уѣздный судъ объявленіе, въ дополненіе къ ихъ позднѣйшему указанію на Гебеду, какъ на подстрекателя, что капельмейстеръ во время пребыванія своего въ сельцѣ Занинѣ уговаривалъ ихъ обоихъ „подписывать фальшивыя ассигнаціи, такъ какъ у него имѣлась типографія, и онъ отлично умѣлъ штемпеля дѣлать“.

Теперь уже Чухломскій уѣздный судъ, съ разрѣшенія намѣстническаго правленія, звалъ въ Чухлому къ своему отвѣту Гебеду по предъявленнымъ къ нему обвиненіямъ. Но капельмейстеръ прислалъ въ судъ дерзкое письмо, что онъ въ Чухлому ѣхать не можетъ и не хочетъ, а извѣтъ на него Савинова и Ѳадѣева въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій „считаетъ все тѣмъ же злымъ на него подговоромъ и посуломъ Катенина“.

Самъ же Катенинъ въ то же время подалъ въ Чухломскій судъ новую жалобу, въ которой указывая на свою „невиновность“ во всемъ дѣлѣ, на бунтъ и на безчестіе, нанесенное ему Гебедою, просилъ въ видѣ залога до рѣшенія дѣла удержать подъ присмотръ судебного мѣста все имущество капельмейстера, находящееся при немъ въ Костромѣ, огавариваясь, что „даже въ случаѣ осужденія Гебеды онъ, секундъ-маіоръ, это имущество въ свое удовольствіе взять не желаетъ, а отдаетъ его въ приказъ общественнаго призрѣнія для примѣра другимъ иностранцамъ, чтобы они впредь не осмѣливались поносить людей напрасно, какъ съ безстыдствомъ учинилъ въ его домѣ полякъ и краковскій уроженецъ Гебеда“.

Всѣ поступавшіе по дѣлу доносы, допросы, жалобы и разныя опредѣленія отъ низшихъ передавались въ высшія присутственныя мѣста. Наконецъ, о присылкѣ къ допросу въ Чухломскій уѣздный судъ Гебеды подтвердилъ и главный начальникъ края, владимірскій и костромской генераль-губернаторъ И. А. Заборовскій. Это было уже весною 1796 года, а 14 апрѣля Костромская Управа Благочинія, во исполненіе этого подтвержденія, донесла, что капельмейстера Гебеды на жительствѣ въ Костромѣ нѣтъ, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ Москву.

Въ виду того, что „къ слѣдствію для изысканія истины Гебеда былъ нуженъ лично“, намѣстническое правленіе, получивъ отъ Катенина 4 р. 13¹/₂ к., пропечатало 25 ноября 1796 г. въ публичныхъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ объявленіе о немедленной явкѣ капельмейстера къ суду.

Въ это время состоялось, наконецъ, рѣшеніе о тѣхъ 6-ти „доносителяхъ на своего помѣщика“, которые содержались въ Чухломской тюрьмѣ: за неповиновеніе помѣщику и учиненіе бунта они сосланы были въ Иркутскъ на каторжныя работы. Главные же два зачинщика Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ какимъ-то способомъ избѣжали этой участи и были отданы помѣщику въ вотчину съ роспискою, имъ было вмѣнено въ наказаніе только содержаніе подъ стражею.

Почти два года прошло послѣ пропечатанія объявленія о розыскахъ Гебеды. Самъ Н. Ѳ. Катенинъ вновь задумалъ и поступилъ

на службу, но не военную, а гражданскую, именно—эксекуторомъ 4 департамента Сената. Въ послѣдній онъ и подалъ новую жалобу 13 ноября 1798 г. о переводѣ его дѣла съ Гебедою въ Сенатъ, указывая, что „самая неявка капельмейстера заставляетъ мыслить“, что онъ виновенъ въ возмущеніи въ сельцѣ Занинѣ людей Катенина.

Сенатъ, рассмотрѣвъ снова все дѣло по существу и обсудивъ рѣшеніе разныхъ присутственныхъ мѣстъ, согласился прежде всего съ заключеніемъ Чухломскаго уѣзднаго суда, что въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ Гебеда правильно признанъ невиннымъ. Затѣмъ окончательнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся 15 октября 1802 года, т. е. спустя 7 лѣтъ послѣ начала дѣла, постановилъ: Катенина, яко ни въ чемъ по жалобамъ и доносамъ Гебеды виновнымъ не оказавшагося, отъ продолженія сего дѣла освободить. Дѣло же объ иностранцѣ Іосифѣ Гебедѣ, подлежащемъ за свои дѣйствія наказанію, за смертію его, Гебеды, сужденіемъ прекратить.

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія вдова Гебеды, явившаяся послѣ его смерти „единственной наслѣдницей“, просила, на основаніи „всемиловѣйшаго манифеста о восшествіи на престолъ“, сложить съ нея недоимки за употребленную ею мужемъ во все время дѣла вмѣсто гербовой простую бумалу. Сенатъ, считая сумму недоимокъ менѣе 1.000 рублей, просьбу вдовы Гебеды уважилъ и опредѣлилъ недоимокъ съ нея не взыскивать.

* * *

Такимъ образомъ, кончилось это дѣло, за своей канцелярской передачей скрывавшее страданія многихъ сотенъ людей. Разсвѣтъ крестьянскому сословію уже приближался. Черезъ какіе-нибудь два десятка лѣтъ послѣ окончанія дѣла о бунтѣ въ сельцѣ Занинѣ, судя по тому же отдѣлу судебныхъ документовъ, къ которымъ принадлежитъ и исчерпанный, уже начали встрѣчаться помѣщики, передъ смертію своими духовными завѣщаніями освобождавшіе всѣхъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землей ¹⁾. Актомъ 19 февраля 1861 года невольничьи узы были сняты, актъ же 17 октября 1905 г. открылъ двери, наравнѣ съ другими сословіями, и крестьянству въ высшее законодательное учрежденіе имперіи.

Но мы едва-ли ошибемся, если, подъ впечатлѣніемъ мыслей навѣянныхъ дѣломъ Гебеды, скажемъ, что, несмотря на всѣ свободы, людскихъ страданій въ нашемъ полноправномъ обществѣ стало не

¹⁾ См. напримѣръ, дѣла и опредѣленія 7 департамента Прав. Сената за 1824 г. въ Моск. Архивѣ М. Ю. книга № 298, дѣло 120.

меньше, что тупой личный эгоизмъ и его необузданныя силы замѣнили крѣпостное право. Если въ прежнее время безчеловѣчный помѣщикъ угнеталъ своихъ людей, то и теперь богатый крестьянинъ точно также угнетаетъ своего равноправнаго же по сословію брата-крестьянина, сильный—слабаго, лѣнивый и пьяница—труженика и трезваго; любовь лишь къ самому себѣ каждаго отдѣльнаго чело-вѣка заглушаетъ разумъ и душу въ отношеніи другихъ.

До тѣхъ поръ, пока чело-вѣкъ и общество не будутъ смягчены сердцемъ и укрѣплены сознаниемъ давней истины—не дѣлать дру-гому того, чего не желаешь себѣ, а самъ чело-вѣкъ, по завѣтамъ Евангелія, не станетъ любить ближняго, какъ самого себя, до тѣхъ поръ чело-вѣчество не избавится страданій, которыя оно испытывало и прежде, и отголоски которыхъ передаются въ настоящемъ очеркѣ. Будутъ мѣняться юридическія формы взаимоотношеній, а подъ ними нравственные устои будутъ оставаться полными животнаго эгоизма, насмѣшкою надъ духовною природою чело-вѣка.

И. С. Бѣляевъ.

